

Газета ежедневная, кроме похоронных.

VII-я г. изданія.

Иркутскъ. Пятница, 27 сентября 1913 года

СИБИРЬ

Цена номера въ розничной продажѣ—5 к.

Подписная цѣна: внутри Имперіи: на годъ съ пересылкой и доставкой на домъ—9 р., на полгода—6 р., на три мѣсяца—3 р., на 1 мѣсяць—1 р. За границу: на годъ—14 р., на $\frac{1}{2}$ г.—8 р., на $\frac{1}{4}$ г.—5 р., на 1 мѣсяць—2 р. Подписка для городскихъ подписчиковъ принимается съ 1 и 15 каждаго мѣсяца, иногородныхъ же—только съ 1 числа. За перемѣну адреса—40 коп. Разорочка годовой платы не допускается.

Цѣна объявленій: за строку петита: впереди текста—20 к., позади текста—10 к., иногородныя объявленія за строку петита: впереди текста—30 к., позади текста—15 к., объявленія прислуги и рабочихъ—20 коп за 3 строки.

Редакція и контора газеты помѣщаются въ домѣ Зидерманъ, Большая улица.

По дѣламъ редакціи можно обращаться въ помѣщ. ред. отъ 12 до 2 ч. дня ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней. Присылаемые въ редакцію статьи и сообщенія должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ листа, съ обозначеніемъ фамиліи и адреса автора. Рукописи, въ случаѣ надобности, подлежатъ измѣненіямъ и сокращеніямъ. Рукописи, доставленные безъ обозначенія условій вознагражденія, считаются бесплатными. Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи три мѣсяца, а затѣмъ уничтожаются. Мелкія статьи совсѣмъ не возвращаются.

Контора газеты открыта съ 9 ч. утра до 5 ч. вечера. Телеф. ред. и конторы газеты № 431. Телеф. редактора № 358.

Срочныя объявленія послѣ 5-ти ч. веч. могутъ быть отдаваемы въ типографію И. П. Казанцева. Телефонъ типографіи 297.

Объявленія изъ всѣхъ мѣстъ и странъ принимаются непосредственно въ конторѣ газеты въ Иркутскѣ и также въ конторахъ Торг. Дома Л. и Э. Метцль и К^о (Москва—Мясницкая, д. Сытова; Варшава—Маршалковская, № 130; Петербургъ—В. Морская, 11; Вильно—Большая, 38; Лондонъ—Петроковская, № 102).

№ 215.

наших дней может разсматривать эти пьесы лишь под историческим углом зрения, как художественное произведение недавней, но все же минувшей (хочется сказать—безвозвратно минувшей) эпохи. События, развернувшиеся на арене русской общественной жизни восемь лет тому назад, создали глубокий перелом, открыли для нас новые широкие горизонты и настолько отдалили от нас герсевъ типа Иванова, что въ данный моментъ трудно проникнуться болѣе или менѣе глубоко ихъ переживаниями...

Для такого проникновенія зрителя въ психологію герсевъ Чехова нужна особенно тщательная и вдумчивая постановка его пьесъ, которая могла бы перенести зрителя въ пережитую эпоху безвременья и сѣрыхъ будней, создавая нужное для этого настроеніе.

Въ полной мѣрѣ тайна постановки чеховскихъ пьесъ постигнута лишь московскими художественнымъ театромъ... Но и отъ провинціальныхъ театровъ, берущихся за пьесы Чехова, требуется если не полное проникновеніе въ тайну такой постановки, то хотя бы относительное приближеніе къ ней.

У насъ, при постановкѣ «Иванова» на сценѣ городского театра, обошлись съ пьесой Чехова слишкомъ ужъ какъ-то «попросту», на-спѣхъ. Полутонна, медлительный темпъ, съѣтъ едва уловимыхъ вниманіемъ, но важныхъ для соотвѣтствующаго настроенія, мелкихъ аксессуаровъ постановки,—словомъ, все то, что въ общей своей совокупности могло бы ввести зрителя въ подавляющую атмосферу сѣрыхъ, безотрадныхъ будней эпохи безвременья,—все это, «не мудрствуя лукаво», было отброшено, какъ ненужная мотыль. Пьеса шла въ грубо-бытовыхъ, а мѣстами—и почти въ водевильныхъ тонахъ, въ какихъ нельзя ставить Чехова.

И отъ этого получалось то, что зрителю, ничуть не проникаясь настроеніемъ автора, или скучая, или что еще хуже, разражаясь взрывами ненужнаго и оскорбительнаго смѣха. Такъ, напримѣръ, сильное по существу, почти трагическое мѣсто пьесы въ началѣ 4-го дѣйствія, когда на сценѣ плачутъ сразу пятеро, прошло подъ гомерическій хохотъ публики, которую въ данномъ случаѣ нельзя и винить: слишкомъ ужъ по водевильному было разгранено это мѣсто. Бѣдный Чеховъ отъ этого смѣха могъ бы перевернуться въ своемъ гробу...

Изъ отдѣльных исполнителей, помимо г. Гарина, вложившаго въ передачу Иванова присущую этому артисту простоту и искренность,—трудно было остановиться на комъ-либо. Интересная роль графа Шабельскаго, этого «большого ребенка», чеховѣка, у котораго все—въ прошломъ,—пропала въ передачѣ г. Хохлова. Извѣстное «сво бодно» держалъ себя на сценѣ г. Разумный въ роли Боркина, этого «антипода Иванова», по выраженію одного изъ критиковъ. Слишкомъ неуваженно, какъ-то по любительски, держала себя на этомъ разѣ г-жа Арсенцева въ роли Саши, къ тому же не твердо знавшая свою роль.

Публики было довольно много. Актракты затягивались.

К. Дубровский.

ИРКУТСКІЙ ДЕНЬ.

Театръ и музыка.

«Ивановъ», пьеса въ 4 д. А. П. Чехова.—25 сентября.

«Ивановъ»—одно изъ типичнѣйшихъ произведеній А. П. Чехова, какъ пѣвца сѣрыхъ безотрадныхъ будней, какъ художника грустнаго безвременья.

Тусклая, блѣдная интеллектуальной жизнью эпоха, въ которой относится творчество Чехова, могла выдвигать лишь такихъ тусклыхъ и убогихъ духовъ людей.

Въ тяжелой, удушливой атмосферѣ общественной жизни того времени слабѣли и обезличивались люди. Тина бездѣйности и обыденности засасывала собою все молодое, мыслящее и чувствующее въ тонокое болото пошлости и мелочности. Героемъ, высокіе помыслы казались чѣмъ-то лишнимъ, обременительнымъ...

Ивановъ, какъ и другіе герои чеховскихъ произведеній, является типичнымъ продуктомъ своей эпохи и своей среды. Лишенный того огонька, который освѣщаетъ бы для него путь впередъ,—онъ изнываетъ въ окружающей его обстановкѣ мѣшательства и пошлости, терзается болѣзненнымъ сознаніемъ безсмысленности и бесполезности своего существованія, но не находитъ въ себѣ силъ и энергіи для того, чтобы сдѣлать свою жизнь осмысленною и дѣлательною...

Полная апатія, вялость, глубокий пессимизмъ,—отличительныя черты всѣхъ герсевъ безвременья,—ярко отличаютъ собою и героя разсматриваемой пьесы.

Человѣкъ, болѣе другихъ одаренный духовно, несущій въ себѣ искру Божью,—Ивановъ, втиснутый жизнью въ сѣрую, скучную толпу, не обладаетъ дерзостью духа и силою воли, чтобы подняться надъ этою толпою. Обезличенный ничтожною средою,—онъ и другихъ принимаетъ «строить свою жизнь по шаблону», предостерегаетъ отъ борьбы «въ одиночку съ тысячами», отъ «поединковъ съ мельницами», отъ всякаго дѣла вообще, въ которомъ могла бы проявиться смѣлая инициатива.

Надорванный и переутомленный,—онъ, въ концѣ концовъ, находитъ въ себѣ силу «молодости» лишь для того, чтобы убить себя...

Не дерзая посягать на художественное значеніе чеховскихъ пьесъ, мы, все же, позволяемъ себѣ думать, что несмотря на сравнительно небольшой промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ пѣвца «хмурыхъ людей», зритель